

Евгений Ушан

Этот негодяй коронавирус

* * *

Спрос на соль и на картошку вырос,
А на марлю – вовсе беспредел!
Это негодяй коронавирус
Паранджу на лица нам надел.
Всюду жечь, живу без женской ласки –
Спасу нет от вируса-врага.
Я привел домой девицу в маске,
А под маской старая карга.
Может, мне в Гвинее поселиться?
Папуасов вирус не берет,
И на папуасихе жениться,
Но, боюсь, она меня сожрет.
Я не псих – останусь в Украине,
Потерплю, деньжат подсоберу
И женюсь, когда зараза сгинет,
Если сам я раньше не помру.
А пока от Альп до Мухосранска
В масках все: и швед, и армянин –
То ли карнавал венецианский,
То ли славный праздник хэллуин...

Зоолог

В болоте старом возле плеса,
Где смрад удушливый царит,

Поймал я жабу-альбиноса,
Науке неизвестный вид.
На белой спинке горб зеленый,
А глазки злобны и красны.
Находку я назвал Матреной
В честь молодой своей жены.
В энциклопедиях отныне
Прочтут и немец, и француз
Ее изысканное имя
С добавкой «жаба-толстопуз».
– Подлец! – жена сказала сразу:
– Такую честь оставь другим,
И имя жабы пучеглазой
Не путай с именем моим.
И я решил: чего же проще?
Назвал лягушку в этот раз
Горпиной Кузькиной, как тещу.
Уж ей-то не фиг обижаться –
И в профиль схожа, и анфас.

* * *

Жить дебилу нефигово,
У дебила справка есть:
Может он убить любого
И с прованским маслом съесть.
И карманнику неплохо
В нашем времени крутом:
Если он обчистит лоха,
То поделится с ментом.
Худо только нам, поэтам:
В магазине и с врачом
Не расплатишься сонетом –
Сразу двинут кирпичом.
Я лежу, теряю силы,
С голодухи не уснуть,
И завидую дебилу –
Сам бы съел кого-нибудь.

* * *

Сидел в театре я, скучая.
На что потратил я бабло?
То «тень отца» права качает,
То гонит принц свое фуфло.
Я весь спектакль стучал ногами,
Свое высказывая «фе».
А ночью мне приснился Гамлет,
Он был изрядно подшофе.
И, наградив сивушным духом,
Спросил он, бледный с бодуна:
– Коль ждет нас всех с косой старуха,
Зачем нам, грешным, жизнь дана?
Ну, доконал алкаш-философ!
И что ни слово, то не в масть.
И, ошалевший от вопросов,
Послал его я в бога мать.
Тут стража мне скрутила руки,
И Розенкранц – каков подлец! –
Шмальнул в живот мне из базуки.
И я проснулся наконец.
А вечером пришел братуха,
И пофиг нам с косой старуха –
Жизнь не напрасна и остра,
Когда есть хлеб и бормотуха,
И можно квасить до утра.

